

Весть о том, что пробы для аудиосериала «Династия» успешно пройдены, застала Шэн Юаня в художественной мастерской. Он был там совершенно один.

Поверх одежды он небрежно повязал фартук, пестревший всеми цветами радуги от засохшего масла. Длинная челка лезла в глаза и мешала работать, поэтому он заколол ее крохотным зажимом. Забавный хвостик на макушке, похожий на чашечку спелой клубники, покачивался в такт каждому его движению.

Закончив с наброском и быстро наметив контуры будущей картины, Шэн Юань принялся за подмалевок.

Цвета на этот раз были нетипичными для его прежней манеры — вместо привычной жизнерадостной палитры преобладали мрачные, приглушенные тона. Минималистичные пятна черного, серого и белого расплзались по холсту, подчиняясь строгому, почти математическому порядку.

Забутый в стороне телефон то и дело вибрировал, светясь экраном, но хозяин не спешил проверять скопившиеся уведомления.

Погружаясь в работу, Шэн Юань обычно снимал слуховой аппарат. В такие минуты вокруг него мог разразиться хоть зомби-апокалипсис — он не услышал бы и пушечного выстрела.

Последнее время слух на правом ухе стремительно ухудшался. Теперь, чтобы он хоть что-то разобрал, приходилось кричать ему прямо в раковину. Но самого Шэн Юаня, избегавшего шумных компаний, эта глухота скорее радовала, даруя желанное уединение.

Писал он неторопливо. Сделав несколько мазков, подолгу замирал, подперев кулаком щеку, из-за чего вскоре и лицо его, и пряди волос покрылись разноцветными пятнами.

Солнечный луч скользнул по полу у его ног и медленно угас за окном. В глазах юноши отразились сумерки, мягко очертив его тонкий, благородный профиль.

Дверная ручка бесшумно опустилась, и в мастерскую шагнул высокий, броский парень.

Одетый по последней моде уличных франтов, широкоплечий и длинноногий, он двигался так стремительно, что сквозняком взметнул разбросанные по полу эскизы.

Шэн Юань как раз полоскал кисти. Заметив краем глаза огромные, похожие на лодки кроссовки, он сразу догадался, кто пришел. Поднял взгляд — и точно, Сун Бинчэн.

Бинчэн был его соседом по комнате и потомственным деятелем искусств с отделения скульптуры. Его отец в прошлом занимал пост проректора провинциальной академии художеств, а ныне возглавлял городской музей Юньчуаня.

Нацепив слуховой аппарат, Шэн Юань небрежно поинтересовался:

— Разве тебе сегодня не нужно помогать отцу в музее?

— Сбежал. Надоело пахать на него бесплатно, — пробормотал Сун Бинчэн, перекатывая за щекой леденец. — Я ведь с этого семестра снова в общежитии живу. Прихожу — в комнате шаром покати. На сообщения ты не отвечаешь. Ну, думаю, точно в мастерской своей затихарился. Время детское прошло, а ты всё над холстом чахнешь. Поел хоть?

Шэн Юань качнул головой:

— Да как-то не хочется.

Бинчэн порылся в рюкзаке, выудил питьевой йогурт и бросил другу. Напоследок щелкнул по заколотому хвостику и ухмыльнулся:

— А тебе идет эта пальма. Миленько выглядит.

— С чего бы вдруг такая щедрость? — Шэн Юань надкусил трубочку. — Признавайся, какую пару за тебя отсидеть нужно?

— Боже упаси, больше я на такое не подпишусь! — покатился со смеху Бинчэн. — Я-то обычный раздолбай, а ты пошел вместо меня на академический рисунок и принес девяносто восемь баллов из ста! Отец чуть умом не тронулся от гордости — решил, что у меня проснулись его великие гены. Нет уж. Я тут, кстати, свое новое творение подсушил. Принес тебе первому показать, оцени масштаб гения.

В груди Шэн Юаня шевельнулось недоброе предчувствие.

Бинчэн с загадочным видом извлек из-за спины нечто, завернутое в мешковину, и эффектным жестом сорвал покров.

Перед глазами Шэн Юаня предстала гипсовая мужская фигура во всей своей первозданной наготе. Скульптура бесстыдно пялилась на него, словно заигрывая.

Мужественный лик в канонах древнегреческой классики венчал абсолютно нелепую позу бегуна с препятствиями. Выглядело это так же несовместимо, как ларек с фастфудом у входа в готический собор.

За три года соседства Шэн Юань нагляделся на массу подобных «шедевров», попирающих любые законы эстетики и здравого смысла. Поэтому сейчас его лицо не выразило ничего, кроме глубокого, искреннего сочувствия несчастному отцу Бинчэна. Тот вырастил плеяду

блестящих художников, а собственное чадо выдавало лишь уродливые поделки.

— Убери это подальше, ты мне сейчас в глаз им ткнешь.

— Да не уворачивайся ты, посмотри получше!

Бинчэн придвинул гипс почти к самому его носу и ткнул пальцем:

— Гляди сюда.

— Фу-у-у...

Но не успел Шэн Юань окончательно скривиться, как приятель щелкнул по причинному месту фигурки, и деталь бешено завертелась.

Шэн Юань вытаращил глаза.

— Пропеллер! — загоготал Бинчэн. — Скажи, гениально? Я внутрь неодимовые магниты встроил, эту штуку можно вообще снять, зырь!

— Убери, кому говорю! — Шэн Юань в ужасе попятился. — Глаза б мои этого не видели...

— Подарю Лу Тинси на день рождения, — мечтательно улыбнулся Бинчэн. — Даже если она мне откажет, такой подарок точно никогда не забудет!

— Это называется домогательством, — хмыкнул Шэн Юань. — Она тебя за такое засудит.

Отсмеявшись, Бинчэн наконец уgomонился. Пользуясь своим ростом, он бесцеремонно взгромоздился на край стола позади Шэн Юаня, закинул ногу на ногу и принялся лениво наблюдать за работой друга.

— Что ваяешь, маэстро? Анатомию отрабатываешь?

— Да так, балуюсь, — уклонился от прямого ответа Шэн Юань.

— Что-то не похоже это на простое баловство, — хмыкнул скульптор.

На первый взгляд холст казался мрачным и монументальным, дышащим суровой упорядоченностью тяжелого индустриального пейзажа. Но стоило вглядеться пристальнее, как сквозь плотные мазки проступало невероятное буйство скрытых оттенков. Если бы кто-то

догадался увеличить любой фрагмент под микроскопом, перед ним предстал бы фантасмагорический хаос, затмевающий даже упавшую на пол палитру.

И в самом сердце этого буйства покоилась мужская рука.

В памяти Бинчэна мгновенно всплыло имя Джона Сарджента — великого портретиста, умевшего наделять кисти рук невероятным изяществом и чувственностью. Правда, Сарджент воспевал нежные пальцы светских дам, здесь же безошибочно угадывалась рука мужчины.

Скульптурно очерченные, длинные пальцы едва касались тонкого хрусталя бокала.

Шэн Юань набрал на кисть каплю белил и сделал легкий, почти невесомый мазок — на стекле мгновенно заиграли блики, словно от колышущегося в бокале вина.

— Мастерски, — присвистнул Бинчэн. — Пара движений — и готовый шедевр. Тебе уже школу открывать можно.

— Это называется вдохновением, — самодовольно хмыкнул Шэн Юань. — Учись, пока я жив.

Скульптор весело усмехнулся и продолжил наблюдать, как друг кропотливо, штрих за штрихом, прорабатывает детали.

Кисть скользнула по мизинцу, оставив за собой тонкую серебряную полоску, очертаниями похожую на перстень. Тончайшим колонком Шэн Юань аккуратно выписывал синеватые венки, простирающиеся сквозь бледную кожу.

Бинчэн невольно залюбовался. В этих линиях не было прежней суровости — жесткая уверенность руки художника словно растворилась в нежности к объекту изображения.

— Признавайся, Шэн-Сарджент, ты ведь срисовываешь это с натуры? Чьи пальцы?

Рука Шэн Юаня дрогнула, оставив на холсте неровный след.

— Нет... Не выдумывай, — выдавил он из себя, уставившись на кончик кисти, испачканный в багровом, похожем на свежую кровь пигменте.

«И зачем я только взял этот красный? С ума сошел?»

Шэн Юань торопливо, словно обжегшись, швырнул кисть в банку с водой и принялся яростно болтать ею, отмывая ворс.

Багряная краска растворялась в воде, а на ушах юноши тем временем проступал густой румянец.

— А жаль, — не заметил его смущения Бинчэн. — Мне как раз для новой скульптуры нужен натурщик с красивыми кистями. Вот этот типаж подошел бы идеально. Просто загляденье.

— А мои чем плохи?

Штатный натурщик для маникюрных экспериментов Лу Тинси растопырила пальцы и покрутила ладонью перед его носом. Тонкие, безупречно прямые пальцы с аккуратными полукружьями нежно-розовых ногтей действительно выглядели превосходно.

Бинчэн скептически хмыкнул:

— Твои не катят. Слишком худые, прямо как веточки.

«Деревенщина неотесанная», — мысленно резюмировал Шэн Юань.

— Который час?

— Половина десятого, — глянул на наручные часы приятель.

— Ох, уже столько времени... — Шэн Юань потянулся к лежащему на тумбочке телефону.

На экране светились цифры: «21:42».

Он подскочил как ужаленный. Сгреб кисти, побросал их в банку и принялся судорожно наводить порядок на рабочем месте.

Бинчэн с хрустом разгрыз карамельку.

— Ты чего так подорвался?

— Совсем забыл об одном деле. Мне нужно срочно уйти.

— За пределы кампуса? Давай подброшу, я на машине.

— Не надо, ты права всего неделю назад получил. Побереги свои баллы, — отмахнулся Шэн Юань. На ходу допив йогурт, он закинул рюкзак на плечо и поспешил к выходу.

— Ночевать-то вернешься? — крикнул ему вслед Бинчэн.

— Да, буду! Попроси дежурную на вахте не запирайте дверь, пожалуйста! — Шэн Юань умоляюще сложил ладони у груди, состроив жалобную гримасу. — Выручай, бро!

Оказавшись в лифте, Шэн Юань наконец открыл мессенджер и отыскал среди десятков пропущенных сообщений официальное уведомление от организаторов аудиосериала.

«... Студия звукозаписи Цинъинь сообщает: CV Цзяюэ Кунмин утвержден на роль третьего принца Чоу Мина в проекте «Династия»...»

Роман «Династия» давно завоевал статус культового шедевра сетевой литературы, и новости о его грядущей масштабной экранизации в формате аудиодрамы взбудоражили все сообщество фандабберов и профессиональных актеров озвучки. Получить роль в таком касте, пусть даже эпизодическую на пару реплик, считалось огромной удачей.

Узнав об успехе коллеги, руководство студии «Цинъинь» и другие актеры поспешили засыпать Шэн Юаня поздравлениями. Общий чат запестрел фирменными стикерами в виде маленьких полумесяцев.

Быстро набросав слова благодарности коллегам, он открыл электронную почту и заново, строчка за строчкой, перечитал официальное письмо. Едва створки лифта поползли в стороны, он стер с лица глупую счастливую улыбку и с самым независимым видом шагнул в холл.

После того памятного приема в усадьбе Цзыгэвэй юноша без устали работал над этим образом.

Чоу Мин — персонаж невероятно сложный, пожалуй, самый противоречивый и многогранный из всех, кого Шэн Юаню когда-либо приходилось озвучивать. По сюжету книги Чоу Мин — хилый, болезненный принц, чье существование поддерживалось лишь бесконечными отварами и пилюлями. Отец-император презирал его слабость, мать не пользовалась благосклонностью при дворе, и единственным, кто относился к нему с искренней теплотой, был наследный принц.

Покровительство старшего брата породило в душе Чоу Мина болезненную, почти фанатичную привязанность. Эта слепая одержимость постепенно лишила его рассудка. Судьба его сложилась трагически. Превратившись в безжалостного антагониста, он без колебаний устранял любого, кто пытался приблизиться к наследнику престола, и в финале принял смерть от руки того, кого любил больше жизни.

Шэн Юань крутился как белка в колесе. Каждое его утро начиналось с бесконечной репетиции реплик, затем следовала запись в студии, разработка эскизов для тату-салона, а по вечерам — дежурство в мастерской. В этой безумной суматохе он едва успевал перекусить, так что

шерстяное пальто, оставленное дядей, по-прежнему сиротливо висело в шкафу.

Он не знал, выпадет ли случай вернуть вещь владельцу, но в глубине души надеялся, что, пока Му Сяодо остается в Юньчуане, они обязательно увидятся. Пусть даже нескоро.

Спустившись, он разблокировал прокатный велосипед и неторопливо покатил по вечерним улицам.

Дорогое пальто шикарного кроя отпугивало приемщиков в химчистках. Стоило сотрудникам взглянуть на бренд и сообразить, что цена этой вещи исчисляется пятизначными суммами, как они испуганно махали руками, заявляя, что не возьмут на себя такую ответственность.

Обойдя чуть ли не половину квартала, он наконец наткнулся на небольшое заведение, где согласились принять заказ. Хозяин химчистки, впрочем, оказался дельцом хитрым. Заметив, что перед ним обычный студент с баснословно дорогой вещью, он заломил сверху триста юаней за «особую деликатную чистку».

Сумма не заоблачная, но для студента, который вынужден выкраивать каждую копейку на оплату учебы и жилья, это был ощутимый удар по карману. Мысленно вздохнув от жалости к своим сбережениям, Шэн Юань расплатился и оставил адрес для курьерской доставки.

На улице в лицо пахнуло аппетитным дымком уличных жаровен. Живот тут же предательски заурчал. Сразу за углом начинались торговые ряды со всякой снедью. Но, вспомнив о недавней непредвиденной трате, из-за которой дневной лимит расходов оказался безнадежно исчерпан, юноша решительно отогнал мысли о еде.

Он нажал на педали, решив перекусить чем-нибудь бюджетным в круглосуточном магазинчике возле общежития — например, порцией горячих такояки.

Знакомые недоумевали, ради чего он так истязает себя. Шэн Юань напоминал им неутомимого андроида: умудрялся совмещать три работы с отличной учебой, из семестра в семестр возглавлял список лучших студентов факультета и регулярно получал повышенную стипендию.

Куратор курса, не зная деталей его семейной жизни, лишь качала головой и сочувственно вздыхала. Однажды она деликатно спросила, не хочет ли он подать документы на материальную помощь для малоимущих. Шэн Юань с вежливой улыбкой отказался, заверив, что вполне справляется сам, а эти средства наверняка нужнее кому-то другому.

Желая уберечь уязвимую гордость юноши, куратор не стала настаивать, но взамен поделилась контактами заведующей архивным отделом университета. Там частенько требовался помощник для оцифровки документов. Работа непыльная, платили прилично, да и полезными знакомствами можно было обзавестись. Шэн Юань с благодарностью принял предложение.

На перекрестке вспыхнул красный свет. Шэн Юань притормозил у перехода и окинул взглядом залитый неоном проспект.

Он стоял в самом сердце Юньчуаня. Перед ним раскинулся деловой центр с его исполинскими небоскребами, уходящими ввысь. Огни витрин и вывесок тянулись бесконечной гирляндой через торговые кварталы, улицу Чансин и величественный мост Сицзян. Город сверкал, утопая в роскоши и суете, но среди этого ослепительного великолепия не было ни единого огонька, который горел бы лично для него.

В этом мегаполисе у него не было корней.

Шэн Юань с тихой грустью посмотрел на малыша, которого родители бережно вели за руки через дорогу.

Кому понравится крутиться без продыху и перебиваться случайными заработками? Просто он хотел успеть, пока молод и полон сил, скопить на первоначальный взнос и обзавестись собственным углом. Ему не нужны были хоромы — хватило бы и крохотной студии, лишь бы там был солнечный балкон, где можно разбить небольшой садик.

Ему просто хотелось иметь свой настоящий дом здесь, в Юньчуане.

<http://bllate.org/book/20131/2114991>